
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ: ПРЕДМЕТ, ВИДЫ И ФУНКЦИИ

© 2017 г. Геннадий Павлович Лупарев¹

Пословицы и поговорки как один из жанров фольклора представляют особую форму коллективной человеческой мудрости. В них накоплены итоги познания нашими предками окружающего мира, общества, власти и закона, принципов и норм обычного права.

В статье рассматриваются специфика и признаки юридических пословиц и поговорок разных народов мира, дается их определение, раскрываются предмет, виды и социальные функции юридических паремий. По мнению автора, всестороннее и глубокое изучение юридических пословиц и поговорок в перспективе создаст новое междисциплинарное направление в отечественной науке — юридическую паремиологию.

Proverbs and sayings as one of the genres of folklore are a particular form of collective human wisdom. They cumulated the results of the knowledge of our ancestors house go the world, society, government and law, the principles and rules of customary law.

The article discusses specific features of legal proverbs and sayings of different peoples of the world, given their definition, the disclosed subject matter, the types and social function of legal proverbs. According to the author, comprehensive and in-depth study of legal in proverbs and sayings in the future create a new interdisciplinary direction in domestic science — legal paremiology.

Ключевые слова: юридические пословицы и поговорки, источник обычного права, народные обычаи и традиции, обыденное правосознание, юридическая паремиология.

Key words: legal proverbs and sayings, the source of customary law, folk customs and traditions, everyday awareness, legal paremiology.

Поиск более эффективных форм и методов правового регулирования общественных отношений требует изучения духовного наследия любой страны, вековых традиций и нравов, лежащих в основе обычного права и обыденного правосознания народов. Такие ретроспективные исследования имеют большое значение и для теоретического уточнения возможностей позитивного права, сформированного на определенной исторической базе. Многие фундаментальные принципы, которые считаются порождением современной цивилизации, отмечал Г.В. Мальцев, на самом деле открыты юридической мыслью прошлого времени. Они — общечеловеческое достояние, уходящее своими корнями в седую древность².

Исторический и общечеловеческий характер основных правовых принципов хорошо заметен при

сравнительном анализе старинных пословиц и поговорок — главного источника обычного права разных народов мира. Это подтверждают все исследователи фольклорной архаики, наиболее полно сохранившейся в странах с традиционно-патриархальной культурой социальных отношений. В частности, английский ученый Г. Хулстерт, изучавший пословицы и поговорки африканского народа монго, подчеркивал, что в них содержится множество правовых аксиом и принципов, известных в Европе только юристам³.

Выражение “пословицы и поговорки”, синонимом которого у филологов служит греческий термин “паремии”, обычно используется в качестве обобщенного названия соответствующего жанра фольклора. Этот жанр — предмет специального раздела лингвистики — паремиологии, изучающей содержательную и языковую природу пословиц и поговорок, их логическую и стилистическую структуру, грамматические особенности. Вместе с тем, аккумулируя разнообразный опыт народа и передавая его из поколения

¹ Доктор юридических наук (Республика Казахстан, Алма-Ата) (E-mail: lgp.49@mail.ru).
Gennady Luparev, Doctor of Law ((Republic of Kazakhstan, Alma-Ata) (E-mail: lgp.49@mail.ru).

² См.: Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права // Мальцев Г. В. Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., 1999. С. 35, 36.

³ См.: Hulstaert G. Proverbes Mongo. Tervuen, 1958. P. 7.

в поколение, паремии хранят в себе богатый эмпирический материал для этнографии, истории, философии, педагогики. Особый интерес пословицы и поговорки представляют для юридической науки, поскольку урегулированные правовыми нормами общественные отношения издавна были первоочередным объектом народного осмысления. С самых древних времен люди вольно или невольно задумывались над сутью социального устройства, осмысливали различные проявления властно-регулятивных взаимоотношений в обществе и оценивали их в своих обобщающих высказываниях. Следовательно, сами политические и правовые реалии закономерно предопределяют появление юридических паремий, имеющих достаточно самостоятельное предназначение в обществе, уяснение которого предполагает предварительное исследование предмета, видов и функций последних.

* * *

Юридические пословицы и поговорки представляют собой отдельный блок в общем массиве паремий, бытующих в духовной культуре человечества. Выделение этой категории народной мудрости осуществляется по ее предмету, т.е. по той сфере общественной жизни, которая регулируется нормами права и в которой используются отражающие правовые отношения пословицы и поговорки. Это подметил русский ученый XIX в. П.Л. Карсевич, считавший, что потребность точного понимания правовых положений и их формулировок появляется у народов очень рано и находит удовлетворение в юридических пословицах и поговорках, имеющих форму кратких изречений, выражающих правовое сознание народа⁴. Таким образом, квалификация части народных изречений в качестве юридических затрагивает прежде всего их предметную принадлежность, изначальную зависимость от политико-правовой практики общества и лишь потом обратную связь с ней.

Однако точное выявление предмета юридических пословиц затруднено его исторической текучестью и зыбкостью границ. Это вызвано, во-первых, неоднозначностью правовых систем разных стран. Во-вторых, тем, что любая из них на протяжении веков развивалась и видоизменялась. В-третьих, нельзя забывать, что в патриархальном обществе из-за синкретического характера обычного права, включавшего в себя помимо сугубо правовых еще моральные и религиозные нормы,

социальное регулирование всегда смещалось в сторону разнообразных бытовых отношений.

Все эти факторы не могли не отразиться на предмете и реальном объеме правовой регламентации общественных отношений в ту или иную эпоху. Неудивительно, что сегодня правовая сфера любой страны существенно отличается от области применения в ней обычного права в далеком или недалеком прошлом. А поскольку большинство пословиц и поговорок юридического толка возникли достаточно давно, то в них, естественно, отразились преимущественно исчезнувшие реалии. Уже одно это может вызывать трудности в опознании данной категории пословиц и поговорок, порождать сомнения в тематической принадлежности некоторых из них. Наглядный пример тому — поговорка западноафриканского народа бауле: “Сын отца — хороший, сын сестры — плохой”. Понять ее юридическое значение можно, только углубившись в историю родственной системы бауле. Долгое время у данного народа приоритетным было родство по женской линии: дети наследовали родовое имя и все связанные с ним права и обязанности от матери. Что касается отца и сына, то они не считались прямыми родственниками. Потому должность вождя и его имущество передавались сыну сестры. Постепенный переход к патриархальным порядкам сломал этот механизм наследования, а смена ориентиров в родственных отношениях вызвала появление приведенной поговорки⁵.

Немецкий автор Р. Шмидт-Виганд во вступительной статье к книге “*Deutsche Rechtsregeln und Rechtssprichwörter. Ein Lexikon*” (“Немецкие правовые правила и правовые пословицы. Лексикон”) тоже указывает, что при изменении правовых обычаев, утрате законами юридической силы или замене их другими некоторые формулировавшие эти обычаи и законы пословицы, сохраняясь, приобретают метафорический характер. В доказательство она приводит старые немецкие изречения: “*Aller guten Dinge sind drei*” (“Все хорошие вещи по три”) и “*Die Gedanken sind frei*” (“Мысли свободны”), которые за века потеряли свое первоначальное правовое содержание и ныне обычно используются в переносном смысле как общежитские идиомы⁶.

Все это не только свидетельствует об эластичности предмета народных юридических

⁴ См.: Карсевич П.Л. Обычное гражданское право Франции в историческом его развитии. М., 1875. С. 11.

⁵ См.: Поку Аур. Мифы, сказки, легенды, басни, пословицы и загадки народа бауле / Пер. с нем. М., 1960. С. 14–16.

⁶ См.: *Deutsche Rechtsregeln und Rechtssprichwörter. Ein Lexikon* / Hrsg. von Ruth Schmidt-Wiegand unter Mitarbeit von Ulrike Schowe. München, 1996. S. 13.

изречений, но и затрагивает понятийную сторону проблемы. Многие зарубежные, в частности немецкие, авторы, как видно даже из названий их работ, склонны считать пословицы и поговорки рассматриваемого типа правовыми, а не юридическими. Причина тому заключается в их нацеленности на исследование преимущественно тех паремий, которые формулируют обычно-правовые нормы или являются их фразеологическим отражением. “Правовые пословицы, — пишет Р. Шмидт-Виганд, — это пословицы, в основе которых лежит определенный закон или правовая норма... Это кратко сформулированные юридические правила..., распространенные в народе, которые претендовали и претендуют на обязательность”⁷. Такое толкование юридических пословиц и поговорок имеет, конечно, право на существование, однако представляется довольно узким. Оно оставляет без внимания значительную часть народных изречений, которые тоже в известной мере характеризуют явления правовой жизни. Потому соответствующие пословицы и поговорки целесообразнее называть именно *юридическими*, поскольку юриспруденция шире и многограннее права. А понятие “правовые пословицы (паремии)” лучше использовать как синоним нормативных народных изречений, о которых речь пойдет ниже.

* * *

Одним из частных признаков юридических пословиц и поговорок может служить их своеобразная терминология, позволяющая точнее и четче выразить специфическую сущность конкретных явлений и процессов, хотя свойственная народной речи образность позволяет отражать и характеризовать юридическую действительность индизказательно, с помощью бытового запаса слов. Например, о судебной тяжбе бедного с богатым на Руси издавна говорили: “Кобыла с волком тягалась — один хвост да грива остались”. Во Вьетнаме взаимоотношения подсудимых определяют так: “Жаба сваливает вину на лягушку, лягушка на головастика”. Выходит, что правовая терминология является лишь факультативной особенностью народных юридических изречений, тем более что в общей массе пословиц и поговорок встречаются и псевдоюридические изречения, в которых правовые термины используются для образного обозначения далеко не правовых явлений. Скажем, в бенгальской поговорке: “Где десять женщин собрались, там и судебная палата” понятие “судебная палата” лишь подчеркивает

неумную женскую страсть посудачить, сплетничать. В старой русской пословице: “Брюхо — что неправедный судья: и молча просит” выражение “неправедный судья” тоже представляет собой не более чем яркую метафору голода.

Рассматривая предмет и специфику юридических пословиц и поговорок, надо отметить, что их выявление и использование во многом зависят от двух факторов: а) юридической подготовки индивида и б) знания им данного жанра фольклора, понимания сути каждой паремии. В совокупности отмеченные факторы создают предпосылки для результативного применения той или иной пословицы как юридической в подходящем жизненном случае. На субъективность толкования правового смысла народных изречений указывает и немецкий исследователь традиционного права африканцев В. Мёлиг. По его мнению, “в качестве правовых пословиц следует рассматривать все те языковые выражения, которые по воле применителя должны напоминать о правовых принципах”⁸.

Ситуативный характер любых пословиц и поговорок, их связь с реальными обстоятельствами жизни и общения людей, которые являются поводом для использования соответствующей пословицы или поговорки, хорошо известны паремологам. По мнению В.П. Аникина, при помощи пословицы человек часто характеризует, оценивает то, о чем непосредственно в ней не говорится. Пословица в таком случае служит аналогией, приводит свой смысл в соответствие с другим предметом. В результате народное изречение обретает многозначительность. Все приложения пословицы к конкретным случаям в совокупности и составляют то, что именуется ее настоящим смыслом⁹.

Иначе говоря, круг юридических пословиц и поговорок способен значительно расширяться за счет образцов народной мудрости “двойного назначения”, используемых как в правовой, так и во внеправовой сферах жизни общества. К числу подобных изречений относятся, например, грузинская поговорка: “Криком правды не докажешь”, амхарская пословица: “Правда выясняется постепенно, так же как утро настает”, арабская “Язык длинен у того, чьи доводы коротки”, персидская: “Позднее раскаянье пользы не принесет” и многие другие.

⁸ Möhlig W. Sprichwörter als Quelle des traditionellen Rechts in Afrika // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. Heidelberg. 1979. Bd. 78. H. 3. S. 331.

⁹ См.: Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. М., 1988. С. 6.

⁷ Ibid. S. 8, 9.

Таким образом, **юридическими пословицами и поговорками следует считать народные изречения, в которых отражены правовые явления прошлой и сегодняшней жизни общества или раскрывается, комментируется, оценивается содержание любых правоотношений, а также статус и деяния их субъектов.**

* * *

Исследование многочисленных и разнообразных юридических пословиц и поговорок прежде всего требует их детальной классификации. Ее изначальным основанием может являться степень обобщенности суждений и умозаключений народных изречений. Г.Л. Пермяков по этому признаку выделяет два класса паремий. Одни пословицы и поговорки повествуют о каких-либо частных, а то и просто исключительных событиях (“Пойманный вор обокрал охранника”). В других говорится об определенных закономерностях, регулярно повторяющихся явлениях, постоянном правиле или обычае (“В чужой монастырь со своим уставом не ходят”)¹⁰. Такая классификация раскрывает глубину проникновения народной мысли в сущность тех или иных сторон правовой действительности, характеризует уровень осмысления юридических фактов и событий в пословицах и поговорках.

По способу выражения заложенного в народных изречениях смысла паремиологи выделяют еще буквальные и метафорические пословицы и поговорки. В буквальных изречениях, часто именуемых *максимами*, он изложен прямо и однозначно, в то время как метафорические мудрословия многозначительны, и их можно толковать по-разному в различных ситуациях. Подобная градация также помогает прояснить значение и характер юридических пословиц и поговорок. Крылатые максимы отражают бесспорные правовые принципы и нормы, сформированные внутренней логикой обычного права и проверенные многовековой практикой общественной жизни. Примерами могут служить древнеримская поговорка: “Незнание закона никого не извиняет”, французская: “За одну вину дважды не карают”, немецкая: “Запрета нет, считай — разрешено”, албанская: “Заступный не выдается”, русская: “Долг — первый наследник” и др.

Что касается метафорических изречений, коих в фольклоре любого народа всегда больше, чем максим, то с юридической точки зрения они играют в основном вспомогательную роль, поскольку содержат лишь оценку или комментарий правовых

норм и событий политико-правовой жизни общества, выражают настроения масс. “Когда вода поднимется, она и гору утопит” — так, например, румыны говорят о возможности народа свергнуть власть угнетателей. Американская пословица значение законности и справедливости в обществе тоже объясняет иносказательно: “Лишь одна дорога ведет к Небесам, остальные — в ад”.

Учитывая указанные различия между буквальными и метафорическими пословицами и поговорками, народные юридические изречения целесообразно также делить на нормативные и ненормативные, которые, в свою очередь, имеют подвиды. Достоинство такой классификации, на наш взгляд, состоит в том, что внимание исследователя переносится с филологических форм на служебно-функциональное значение содержания народных изречений. Языковые и логико-конструктивные особенности пословиц и поговорок при этом отходят на второй план, не теряя, однако, своей вспомогательной роли. При необходимости они тоже могут стать предметом изучения правоведов.

Нормативные народные изречения формулируют конкретные правила поведения либо, что встречается чаще, фиксируют статус субъекта правоотношения, его отдельные права, обязанности и ответственность. Это дает возможность выделить две категории нормативных пословиц и поговорок — статусные и частнонормативные. Изречения статусного характера закрепляют широкие полномочия субъекта, подразумевают наличие у него комплекса соответствующих прав и обязанностей. Например, малагасийская поговорка: “Старший брат — второй отец” утверждает особую роль старшего сына в патриархальной семье и фактически наделяет его всеми полномочиями заместителя отца во взаимоотношениях с младшими братьями и сестрами. Аналогичный характер имеет японская статусная пословица: “После смерти отца отцом становится старший брат”, определяющая правопреемственность наследника главы семьи. Зато другая японская поговорка: “На дареную вещь не жалуются” только содержит частный запрет — обжалования или охаивания полученной по договору дарения вещи. Он, безусловно, имеет нормативный характер, но отличается более узким содержанием и предназначением.

Современные правоведы, характеризуя правовые нормы, часто делят их на уполномочивающие, обязывающие и запрещающие. Эта и другие классификации, раскрывающие значительное сущностное сходство нынешнего позитивного права с правом обычным, вполне применимы и к нормативным пословицам и поговоркам разных народов. Например,

¹⁰ См.: Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970. С. 10.

к числу уполномочивающих народных изречений можно отнести немецкую поговорку: “Старший должен делить, младший — выбирать”, эстонскую: “Свой дом, свое и дозволение”, грузинскую пословицу: “Каждый имеет право уничтожить предателя”. Образцами обязывающих изречений будут русская пословица: “Вора в суд веда и сам туда иди”, карельская: “Хочешь жить в стране, соблюдай ее законы”, вьетнамская: “Взял в долг — верни, нанес убытки — возмести”. Образцами запрещающих нормативных изречений являются белорусская пословица: “Не схватил за руку, не говори: злодей”, древнеримская: “Нельзя ссылаться на обычай, однажды отвергнутый”.

Ненормативные юридические пословицы и поговорки не содержат обязательных правил поведения людей, но выражают мнение народа по поводу тех или иных правовых фактов и явлений и потому тоже весьма разнообразны по содержанию и значению. С учетом сказанного их можно подразделить на три группы: описательно-констатирующие, комментаторско-оценочные и назидательно-воспитательные изречения.

Описательно-констатирующие пословицы и поговорки не имеют четко выраженной идеи и по содержанию эмоционально нейтральны. Их роль — довести до сведения людей соответствующую информацию, обратить внимание последних на определенные явления или события правовой жизни, на нормы, регламентирующие общественные отношения: “Право на стороне сильного” (английская), “Война загоняет право под лавку” (шведская), “Заимодавец проучил должника” (уйгурская), “Пока хозяин вора ловил, вор хозяина поймал” (курдская).

Комментаторско-оценочные изречения отражают существующие реалии в жизни в сопоставлении с социальными идеалами, обычаями и традициями конкретного народа. Истолкование и квалификация событийного повода являются основной причиной рождения и применения подобного рода пословиц и поговорок, особенно когда предметом афористичного осмысления является важная для народа правовая норма, или политико-правовой факт общесоциального значения. Ярким примером здесь будет русская поговорка: “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!” — так крепостное крестьянство отреагировало на отмену права перейти к другому помещику в один единственный день в году. Горькая ирония этого изречения передает политическое бессилие крепостного люда, его негативное отношение к ликвидации старинного правового обычая.

Зато назидательно-воспитательные юридические пословицы и поговорки призваны на основе действующих в обществе правовых норм

и вековых духовных ценностей формировать у людей конкретные социальные качества, благодаря которым их поступки будут соответствовать общепринятым правилам. Подобные народные изречения обычно не формулируют таких правил, но лишь потенциально нацеливают людей на их выполнение, убеждают в подобной необходимости. Назидательно-воспитательную категорию юридических пословиц и поговорок отличает форма прямого обращения к адресату, откровенная дидактичность и конкретность содержания. “Сократи расход — вот и доход”, — поучает грузинская пословица человека, испытывающего материальные затруднения. “Сто лет оружие носи — один раз пригодится”, — советует ему в другой ситуации широко распространенная на Востоке мудрость. “Будь бедным, но не будь бесчестным”, — призывает каракалпакское изречение индивида, вовлеченного в круговорот сложных и не всегда праведных событий и дел. Подобные пословицы и поговорки, отмечал выдающийся чешский педагог Ян Коменский, способствуют формированию у нас социальной мудрости и осторожности в различных ситуациях и при общении с другими людьми¹¹.

Как видно из приведенных примеров, ненормативные юридические пословицы и поговорки непосредственно не регулируют общественных отношений, но лишь выражают какую-то субъективную точку зрения на некие явления, дают неофициальную трактовку существующей правовой действительности или описывают ее детали. При этом ненормативные юридические пословицы и поговорки отличаются разнообразием логических и стилистических конструкций, широким использованием различных художественных приемов, что придает им неповторимую красоту, яркость и убедительность. Скажем, когда молдаване говорят: “Дорвался до наживки, как поп до подношения”, — подобное сравнение разит наповал жадного и корыстного человека, о котором идет речь. Не менее хлесткий общественный приговор хулигану, получившему достойный отпор, вынесен с помощью метафоры в чеченской и ингушской пословице: “Взбесившийся конь на кол наткнулся”. “Вор свою жизнь на ладошке носит”, — утверждают жители Хиндустана, указывая, таким образом, что жизнь преступника может оборваться в любой момент.

Семантика, лексический состав и художественная форма любых паремий во многом зависят от времени их создания. Именно оно определяет

¹¹ См.: *Komenský J. A. Moudrost starých čechů. Za zrcadlo vystavená potomkům. Praha, 1954. S. 19.*

содержание правовых принципов и норм, социальный механизм их реализации, особенности общественного сознания, мышления и языка народа. Сказанное дает основание выделить среди народных юридических изречений их архаичные и современные образцы. Подобная градация, как, впрочем, и все другие, достаточно условна, ибо точное время возникновения многих пословиц и поговорок установить невозможно. Кроме того, из-за совпадения некоторых принципов и норм обычного и современного права, общности социальных закономерностей и неизменности многих психологических качеств людей разных национальностей часть древних народных изречений широко используется и ныне. И все-таки данная классификация раскрывает диалектику правового развития общества, помогает выявлять фольклорные новации, уяснять их соотношение со старыми пословицами и поговорками, видеть различия в их содержании и направленности. Например, паремии разных народов о браке относятся в целом к группе архаичных. Но в совокупности они свидетельствуют о постепенном переходе всех народов к пониманию и утверждению брака как добровольного союза мужчины и женщины.

Что касается современных юридических пословиц и поговорок, надо отметить, во-первых, их несомненную малочисленность и, во-вторых, полное отсутствие среди них изречений нормативного характера. Все сравнительно недавно сложившиеся юридические пословицы и поговорки по характеру и содержанию являются ненормативными, преимущественно описательными или комментаторско-оценочными. Можно сослаться, в частности, на монгольское изречение, осуждающее пьянство водителя. “Машина, работающая на водке, не слушается руля”. О сравнительно недавнем (по историческим меркам) появлении английской пословицы: “Судье нужна взятка, а колесу вагонному — смазка” и американской: “Если вы украли булавку, вас посадят в тюрьму, если вы украли железную дорогу, вас изберут в сенат” свидетельствуют их “железнодорожные” образы.

Свременным фактором в некоторой мере связана и другая возможная классификация юридических пословиц и поговорок — деление их по сфере возникновения и степени распространенности на профессионально-корпоративные и массово-народные. Профессионально-корпоративные изречения рождаются и некоторое время бытуют в узкой среде людей, объединяемых видом деятельности. Корпоративные интересы и особое место такой социальной группы в структуре общества определяют специфику ее правосознания, практическое отношение к окружающей действительности, проявляемое

в собственных изречениях. Такие пословицы и поговорки отражают сугубо корпоративную точку зрения на правовые вопросы, приоткрывают секреты, приемы, методы и проблемы профессиональной деятельности. Например, в Средневековье среди университетских магистров Западной Европы была популярна поговорка: “Знания-то все хотят, но никто не хочет за них платить”, зародившаяся как констатация извечной студенческой неплатежеспособности. А вот арабская пословица: “Бей невинного, чтобы признался виновный” по сути своей является характеристикой феодальной власти. Она рисует самовосхваляемую склонность феодалов к огульным репрессиям, силовым методам поиска правонарушителей. В помещичьей среде царской России ходило изречение о выколачивании оброка у крестьян: “Не бей мужика в спину, бей в брюхо, скорей целковый выскочит”. Еще ранее на Руси заплечных дел мастера сочинили циничную пословицу “Кнут не архангел, души не вынет, а правду скажет”, которую А.С. Пушкин записал с таким комментарием: “Апология пытки, пословица палача, выдуманная каким-нибудь затейником”¹².

В массе профессионально-корпоративных пословиц и поговорок особо выделяются изречения, созданные юристами. Такие изречения обычно не имеют сословно-классовой подоплеки — их содержание чаще всего составляют объективные политико-правовые знания. Например, большинство дошедших до нас древнеримских паремий типа: “Кому дозволено осуждать, тот имеет власть и освобождать”, “Кто пропустит запятую, проиграет дело”, “Никто не подвергается наказанию за один лишь умысел” являются образцами чистой юридической мысли, незыблемыми постулатами права.

Профессионализм подобных пословиц и поговорок базируется на достаточно высоком уровне римского права и корпоративной доказанности содержащихся в них суждений и умозаключений, что способствовало внедрению афористичных высказываний юристов в сознание более широких слоев народа. Правда, иногда и негативные явления выливаются в саморазоблачающие изречения, социальная ценность которых заключается в обнажении всего дурного в конкретной профессиональной среде. Примером может служить русская “судейская” поговорка: “Хочу — на нем сию, хочу — по нем сужу”, выражающая откровенное бахвальство “вершителей правосудия” своим произвольным отношением к закону.

¹² См.: Пушкин А. С. Старинные пословицы и поговорки // Пушкин А. С. Собр. соч. В 10-ти. Т. 7. М. — Л., 1949. С. 533.

Профессионально-корпоративные пословицы и поговорки возникают и в преступной среде. Их появление и распространение обусловлены нравственно-правовым состоянием общества. Недаром в рабовладельческие и феодальные времена, когда в отношениях между людьми господствовала грубая сила, когда сильный, не стесняясь и не скрываясь, грабил слабого, в языке многих народов возникло немало паремий криминального характера. Наиболее известной из них является русская: “Семь бед — один ответ”, которую И.М. Снегирев охарактеризовал как старинную поговорку отчаянных и закоснелых разбойников, под *бедами* подразумевавших свои злодеяния, а под *ответом* — пытку и казнь, ибо все преступления совершаются одним наказанием¹³. Эта поговорка вполне соответствовала духовной атмосфере феодального общества, отвечала повседневному представлению многих людей. По словам С.Д. Гальперина, жизнь средневековой Руси была “хищнической, молодецкой”, “жизнью ушкунников” с взаимным отрицанием, с межгрупповой и кровной исключительностью¹⁴. Недаром широкоупотребительными тогда были изречения вроде: “Грех воровать, да нельзя миновать”, “Кому — лопата, а кому — лом; кому — острог, а нам — дом”.

Аналогичных пословиц и поговорок много и у других народов мира. В качестве образцов этой группы паремий можно привести белорусскую пословицу: “Украсть — не штука, вот спрятать — наука”, хиндустанскую: “Или куча костей, или куча денег”, черногорскую: “За деньги и родную мать продадим”, чешскую: “Кто не ворует, обворовывает свою семью”.

Профессиональная обусловленность происхождения и корпоративная ограниченность изначального применения ряда юридических пословиц и поговорок отнюдь не противоречат их народности — признаку, который со временем обретают крылатые изречения. Точность суждений и умозаключений, афористичность и экспрессивность их изложения часто преодолевают не только профессионализм, но и сословно-классовый характер многих пословиц и поговорок. Ухватив изначальное чуждое изречение, народ способен использовать его иносказательно в соответствующих ситуациях. Так, поговорка “Ругань проходит, а деньги остаются” появилась в Средние века в речи представителей католической церкви, которая облагала население

Западной Европы непомерными поборами. Со временем это циничное, но остроумное высказывание благодаря своей непреложности постепенно стало народным изречением в ряде европейских стран и до сих пор используется в подходящих случаях для характеристики финансово-денежных отношений.

Касаясь соотношения сословно-классового и общенародного аспектов в фольклоре, итальянский историк устного народного творчества Д. Коккьяра отмечал: “Ученый, исследующий народные традиции, обращается... к определенным *классам*, но народ для него не является просто совокупностью этих классов. Выражение *народ* обозначает определенный взгляд на жизнь, определенное состояние духа, мысли, культуры, обычаев и цивилизации, проявляющихся в особых специфических формах”¹⁵. Сказанное в полной мере относится к профессионально-корпоративным юридическим пословицам и поговоркам, часть которых всегда наполняется общенародным духом и отражается в обыденном правосознании масс.

Деление юридических пословиц и поговорок на профессионально-корпоративные и массово-народные имеет преимущественно ретроспективную направленность: оно касается этимологии тех или иных паремий, а также смысловых сдвигов при изменении условий жизни народов. Одновременно такая градация позволяет выявить конструктивно-понятийные особенности юридических изречений. Профессионально-корпоративные пословицы и поговорки, как правило, точнее отражают сущность специфических явлений и тенденций. Напротив, изречения, родившиеся в неопределенно широкой обывательской среде, чаще всего содержат поверхностные суждения, выводы, оценки, которые возникают у простых людей при практическом столкновении с правовой действительностью. Потому они обычно довольно экспрессивны, образны, но одновременно неглубоки и противоречивы. Их ценность в том, что они выражают широко распространенные точки зрения и служат важнейшим индикатором обыденного правосознания.

Юридические пословицы и поговорки, подобно другим народным изречениям, можно классифицировать и по ареалу их распространения. По такому основанию выделяются этнолокальные, региональные и интернациональные юридические паремии.

Этнолокальные юридические изречения появляются и длительное время бытуют в культуре отдельного народа. Они — продукт его исторического опыта, социальных реалий и национально-психологических

¹³ См.: Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. Кн. 3. М., 1832. С. 181.

¹⁴ См.: Гальперин С. Д. Очерки первобытного права. Исследования. СПб., 1893. С. 53.

¹⁵ Коккьяра Д. История фольклористики в Европе / Пер. с итал. М., 1960. С. 20.

стереотипов мышления. В юридических пословицах и поговорках данного вида ярко отражаются особенности политической и правовой жизни конкретного этноса, частные детали действующего права. Скажем, у западноафриканской народности бакози по нормам обычного права за воровство виновному отрезали кусок уха. Поэтому о несправедливом наказании бакози говорят: “Украла собака, а козе за это уши подрезали”. На Руси в ряде мест у крестьян когда-то существовал такой обычай: после размежевания общинной земли, выделяемой в пользование отдельным семьям, староста обходил границы участков с подростками 14–15 лет, обращал их внимание на межевые знаки, рассказывал историю переходов участков из рук в руки. А чтобы все это накрепко засело в памяти ребят, то одного, то другого сек, или, как тогда говорили, подвергал “памятковому прочухану”. Отсюда пошли старинные русские пословицы: “Когда межуют, то парнишек на меже секут”, “Кто на меже сечен, тот и в понятия иди”¹⁶.

Внешними признаками этнолокальных паремий обычно служат обозначение в них топонимики, указание национальной принадлежности персонажа, отражение событий истории конкретной страны, образов животных, обитающих в соответствующей местности, деталей местного быта, одежды и т.п. Например, средневековая Турция знала немало восстаний привилегированного войска — янычар. Сигналом к их мятежам обычно являлось опрокидывание котлов на площади Ат-мейдан в Стамбуле. Потому, когда турки говорят: “Не опрокидывай свой котел!”, их соотечественники сразу воспринимают эту поговорку как призыв к спокойствию и благоразумию. Но в другой этнической среде это изречение будет непонятным и не востребуемым.

Являясь социальной памятью народа, многие этнолокальные паремии воздействуют не столько на мыслительный аппарат его представителей, сколько на глубинную природу их мироощущения, на национальные чувства и настроения, передаваемые от поколения к поколению. Пословица или поговорка данной категории значимы прежде всего как вербальный сигнал генетико-культурным корням личности, рождающий у нее определенные эмоции, рефлексивные мышление и поведение. Привязанные к конкретным событиям и персонажам истории соответствующего народа, подобные этнолокальные паремии

не могут прижиться в другой национальной культуре и навсегда остаются со своим народом.

Однако такого рода пословицы и поговорки составляют лишь небольшую часть общемирового массива юридических изречений. Сходство ряда принципов и норм обычного права разных народов, унификация позднейшего законодательства многих стран мира, их активный обмен общеобразовательным и правовым опытом, а также единство приемов и методов мыслительной деятельности человека составляют объективные основы широкого распространения юридических максим, равно как части метафорических суждений и умозаключений. Под воздействием этих и других факторов у представителей разных этносов независимо друг от друга порой рождаются аналогичные пословицы и поговорки, либо наиболее яркие и остроумные изречения одного народа перекочевывают в культурно-языковую сферу соседних и становятся региональными юридическими пословицами и поговорками.

В частности, исламская экспансия и кочевой образ жизни арабских племен в Средние века способствовали распространению их изречений по всему Ближнему Востоку и даже отдельным странам Европы. Потому в испанской культуре содержится много пословиц и поговорок арабского происхождения, напоминающих о Кордовском халифате и мусульманских государствах Андалузии. Одна из них: “Лучше умереть стоя, чем жить на коленях” — в середине 30-х годов XX столетия разнеслась по всей Европе, после того как ее страстно произнесла на митинге антифашистов глава испанских коммунистов Долорес Ибаррури, призывая соотечественников к яростной борьбе с мятежниками генерала Франко.

К числу региональных юридических пословиц и поговорок можно отнести многие тюркоязычные паремии. В фольклорной литературе их порой именуют казахскими, киргизскими, узбекскими, каракалпакскими, туркменскими только потому, что они впервые были записаны из уст представителей того или иного народа, но фактическим ареалом их многовекового бытования является вся Центральная Азия. Паремии, определяемые в литературе и сборниках как “восточные”, также являются региональными, только охватывающими более широкий регион. Региональными следует считать и некоторые общеславянские пословицы и поговорки, содержательное единство и фразеологическое сходство которых достаточно убедительно показал Ф. Челяковский. Например, старинная поговорка:

¹⁶ См.: *Иллюстров И. И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сб. русских пословиц и поговорок. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1910. С. 185.

“Нужда закон изменяет (ломит)” по существу принадлежит всем славянским народам¹⁷.

Важным фактором распространения за пределами одной страны юридических пословиц и поговорок в свое время стала колонизаторская деятельность ряда европейских государств, насаждавших на подвластных территориях не только правовую систему метрополии, но и ее язык, культуру, социальные ценности, благодаря чему многие этнолокальные юридические пословицы и поговорки превратились в региональные или интернациональные. Например, старое английское изречение: “Дом англичанина — его крепость”, закреплявшее принцип неприкосновенности жилища, в ходе применения за пределами страны трансформировалось в поговорку: “Мой дом — моя крепость”, широко распространившуюся сначала в бывших колониях Великобритании, а затем и по всему миру. В Латинской Америке наряду с некоторым количеством этнолокальных юридических пословиц и поговорок до сих пор живет множество старых испанских изречений, которые можно квалифицировать как региональные.

Следует заметить, что в ходе колонизации культуры метрополий тоже обогащалась меткими экзотичными паремиями туземных народов. Это хорошо видно в английском фольклоре, в котором имеется немало явно заимствованных на Востоке пословиц и поговорок вроде риторического и метафорического изречения: “Разве леопард сменит свои пятна?”.

Правда, иногда различия в укладе жизни соседних народов, даже тесно связанных, препятствуют проникновению некоторых пословиц и поговорок в язык и культуру другой страны. Э.Я. Кокаре, указывая на поразительное совпадение латышских, литовских и русских пословиц и поговорок по тематике, идейному содержанию и отношению народов к оцениваемым явлениям, отмечает, однако, что если у русских можно найти множество изречений торгового характера, то у латышей и литовцев есть лишь несколько пословиц и поговорок такой тематики, в основном содержащих советы покупателю. Исследователь объясняет это тем, что у латышей и литовцев, в отличие от русских, не было купеческого сословия, и местные крестьяне исторически не имели права без посредничества немецкого помещика продавать свою продукцию¹⁸.

Интернациональные юридические пословицы и поговорки обычно вырастают из региональных

и характеризуются максимально широким ареалом применения; они распространены в большинстве стран мира, разбросанных по разным континентам, и, как правило, уже утратили все признаки этногенезиса. Потому, замечает Э.Я. Кокаре, типологическое сравнение народных изречений заставляет с большой осторожностью подходить к вопросу об их происхождении, а также о заимствовании одним народом у другого¹⁹. Иными словами, сейчас очень трудно, а порой и просто невозможно определить, в какой этнической среде возникло то или иное популярное изречение, используемое представителями многих народов, тем более что старинные обычаи и обряды у них часто совпадали, и это — еще одна причина появления сходных юридических пословиц и поговорок.

Интернациональные юридические пословицы и поговорки в гораздо большей мере, чем этнолокальные и региональные, отражают политико-правовые закономерности общественной жизни. Подобные изречения вырастают на основе многовекового, предельно разностороннего уяснения разными народами этих закономерностей и отражают их универсализм. Например, поговорка: “Рыба с головы гниет (тухнет, портится)” в разнообразных лексических вариациях встречается в фольклоре почти всех народов мира, свидетельствуя о том, что люди в разных уголках земного шара на собственном опыте осознали огромное влияние нравов и деяний верховной власти на морально-политический и правовой климат в обществе. В результате незамысловатый ихтиологический образ лег в основу суждения, точно воспроизводящего настроения и мысли широких слоев населения на разных континентах, и прочно укрепился в языках народов мира.

Интернационализация пословиц и поговорок, в том числе юридических, издавна и успешнее всего идет по комментаторско-оценочной и назидательно-воспитательной линиям. Этому, по мнению паремистов, способствовали переводы религиозной и художественной литературы на языки разных народов. Что касается юридических максим, то особая и неопределимая роль в их интернационализации принадлежит латинскому языку и римскому частному праву, благодаря которым древние принципы и нормы получили широкое распространение сначала в Европе, а потом и по всему миру. По мнению Б.С. Никифорова, точность и простота римской юридической фразеологии сначала в первоначальном, а затем и в “реципированном” виде предопределили

¹⁷ См.: F.L. Čelakovský. Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Uspof. Praha, 1949. S. 410, 411.

¹⁸ См.: Кокаре Э.Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорах. Рига, 1975. С. 70.

¹⁹ См.: Кокаре Э.Я. Параллели в латышских, литовских и русских пословицах и поговорах // Фольклор балтийских народов. Рига, 1962. С. 245.

ее значительное место в истории не только права, но и культуры человеческого общества²⁰. Недаром многие древнеримские юридические паремии органично вошли в язык и сознание разных этносов и по праву могут уже считаться народными во всех концах земного шара. Это касается, например, поговорки “Закон суров, но это — закон” и ряда других.

* * *

Перечисленные классификации юридических пословиц и поговорок позволяют не только глубже раскрыть содержание таких паремий, но и выявить их социальные функции. Юридические, равно как и иные, пословицы и поговорки существуют не ради красного словца в общении людей, хотя элемент фразеологического “щеголянья” в них всегда присутствует, а выполняют определенную роль, имеют, пусть не всегда до конца осознанное говорящими, целевое предназначение.

Исследуя социальное назначение народных юридических изречений, нужно в первую очередь выделить их гносеологическую функцию, суть которой состоит в постепенном уяснении людьми окружающей политико-правовой действительности, осмыслении ими накопленных знаний и обобщении результатов познавательной деятельности в словесных формулах и художественных образах. Какой бы логической конструкцией и художественной формой ни обладали юридические пословицы и поговорки, с познавательной точки зрения они являются сгустками политико-правовых знаний, старательно сбитых народными мыслителями и многократно апробированных последующими поколениями в ходе длительного исторического развития. По словам Н.И. Кравцова, “познавательное значение пословиц... состоит в том, что они не просто регистрируют явления жизни, а типизируют их, и типизация в них служит моментом, усиливающим их познавательное значение”²¹.

Пословичная типизация юридических явлений прекрасно вписывается в специфику любой правовой системы, целью которой является нормативная регламентация жизни общества. В результате возникает органичная связь между народными изречениями и отражаемой ими правовой действительностью. П.Л. Карасевич, рассматривая соотношение обычного права с юридическими пословицами и поговорками, писал: “Паремии представляют лучший способ познания обычного права, если

только пословицы действительно живут в народе и содержат в себе юридические положения”²².

В юридических пословицах и поговорках содержатся самые разнообразные познания: общетеоретические, уголовно-правовые, гражданско-правовые, судебно-процессуальные, криминалистические, криминологические и иные. Например, немецкая пословица: “Кто властвует, тот и законы пишет” неопровержимо свидетельствует об осознании народом причинно-следственной связи в законотворческом процессе. Из мавританской пословицы: “Если человек уходит, с ним уходят и его права” видно, что использующие ее люди понимают обусловленность субъективных прав границами человеческой жизни. Зависимость определения преступного деяния от нормативно-правового запрета подчеркивает русская поговорка: “Где запрещение, тут и преступление”. Крупницы криминалистических познаний проглядываются в хиндустанском изречении: “Без следов воровство не раскроется”, в эстонской пословице: “Всякая нога оставляет свой след”, в индонезийском афоризме: “На месте поджога находят остатки факела”. А вот в монгольской пословице: “Понемногу обманывая, становишься лгуном, понемногу присваивая — вором”, в русской: “От поблажки и воры плодятся”, в китайской: “Воровство начинается с кражи луковицы” нетрудно заметить некоторые криминологические выводы.

Многие народные мудрости являются бесценным пособием для изучения юридической психологии, ибо в них отражены самые разные качества и черты человеческой натуры. Даже при первом знакомстве пословицы и поговорки касающиеся человека, поражают глубиной анализа духовного мира личности, точностью психологических оценок субъектов правоотношений²³. В качестве примера достаточно привести македонскую пословицу: “Человека, утверждающего, что деньги могут все, можно подозревать в том, что он может пойти на все ради денег”, которая содержит не только частный психологический вывод, но и морально-правовую характеристику любого самодовольного сребролюбца.

Гносеологическая функция юридических пословиц и поговорок не исчерпывается обобщением разнообразных политических и правовых знаний. Их содержание постоянно переосмысливается людьми, сверяется с личным социальным опытом каждого применителя и реалиями его жизни, тем более

²⁰ См.: Латинская юридическая фразеология / Сост. Б.С. Никифоров. М., 1979. С. 4.

²¹ Кравцов Н. И. Проблемы славянского фольклора. М., 1972. С. 205.

²² См.: Карасевич П. Л. Указ. соч. С. 44.

²³ См.: подробнее об этом: Лунарев Г. П. Юридическая психология в пословицах и поговорках // Гражданин и право. 2009. № 9.

что этого требуют художественная образность и ситуативный характер пословиц и поговорок; их использование невозможно без индивидуальной интерпретации в контексте устной или письменной речи. Пословицы и поговорки, не вписывающиеся своим смыслом или лексическим оформлением в изменившиеся условия жизни, постепенно выходят из языкового и культурного оборота, исчезают из памяти народа.

Определенным продолжением гносеологической функции народных юридических изречений является их коммуникативная функция, поскольку любые знания требуют передачи другим людям. Пословицы и поговорки как словесно-мыслительные штампы позволяют участникам речевой связи сокращать ассоциативный процесс мышления, оперировать в нем общепонятными и общепризнанными блоками информации. Интенсивное использование паремий в человеческом общении способствует более глубокому уяснению их прямого и переносного смысла, различных оттенков заложенных в них мыслей. В свою очередь полное выявление содержания конкретной пословицы или поговорки, установление его соответствия реалиям окружающего мира являются предпосылками широкого и активного использования конкретно-изречения в общении людей в качестве носителя проверенной информации либо неопровержимого аргумента. Это заметил еще Аристотель, который в “Риторике” рекомендовал употреблять пословицы как доказательства и свидетельства истины. По его мнению, для убедительности речи следует пользоваться прежде всего распространенными и общеупотребительными народными изречениями, именно потому, что они общеупотребительны, они кажутся справедливыми, ибо как бы признаются всеми за таковые²⁴. Сам Аристотель в своих трудах неоднократно и умело использовал доказательные качества паремий. Например, в “Никомаховой этике” он писал: “Правосудие часто кажется величайшей из добродетелей, и ей дивятся больше, чем свету вечерней и утренней звезды. И даже пословица говорит: “Всю добродетель в себе правосудность создает”²⁵.

С гносеологическим и коммуникативным назначением юридических пословиц и поговорок тесно связана их ценностно-ориентирующая функция. Уясняя сущность и свойства разнообразных явлений окружающего мира, люди неизбежно вырабатывают критерии такого изучения. Пословицы и поговорки разных народов не только отражают итоги познавательной деятельности предыдущих

поколений, но часто квалифицируют их в понятиях, определениях и оценках. Недаром значительную часть паремий отличает именно ценностно-квалификационная направленность; народные изречения внедряют в сознание людей конкретные нравственные и правовые категории, внушают их социальную значимость. Например, русская поговорка уверенно заявляет: “Добро не горит, не тонет”. “Честь дороже денег”, — оценивает арабская мудрость важнейший критерий человеческой порядочности. Согласно английской поговорке, — “Честность всего дороже”. “Правда острее меча”, — категорично утверждает узбекское народное изречение. “Цена человека — его труд”, — гласит черкесская пословица.

Вместе с тем жестокость и циничность социальных нравов в древние времена породили и такие взгляды, которые не вписываются в цивилизационные критерии современного общества, хотя в ряде случаев продолжают существовать в сознании и речи представителей некоторых народов даже сегодня: “Самый дешевый товар на базаре жизни — это человек” (восточная), “Мир — это жирный курдюк, а ловкач — нож” (армянская), “Мир — стог сена, и каждый берет из него то, что удастся ухватить” (фламандская).

Совокупность юридических пословиц и поговорок образует развернутую систему сословно-классовых и общечеловеческих ценностей, играющих огромную роль в выборе людьми образа жизни в обществе. Парная противоположность добра и зла, правды и лжи (неправды, кривды), справедливости и несправедливости, чести и бесчестия, равно как и другие дихотомии в народных изречениях, создают четкий и достаточно узкий ценностный коридор. Простота выбора альтернативных ценностей помогает быстро формировать общее и достаточно формальное отношение индивида к различным политико-правовым явлениям, хотя и не гарантирует однозначности его поступков в конкретных правоотношениях, поскольку абстрактные ценностные установки способны перебиваться частными практическими мотивами поведения. Потому, имея некоторые представления о чести, справедливости и законности, но преследуя корыстные цели, люди нередко дают взятку чиновникам, оправдываясь старой народной мудростью: “Не подмажешь — не поедешь”.

Если пословицы и поговорки, комментирующие, оценивающие и рекомендуемые человеческие деяния, обладают лишь косвенным мотивировочным значением, то нормативные юридические изречения способны непосредственно регулировать общественные отношения. Они прямо обращены к их участникам и не допускают выбора вариантов

²⁴ См.: Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 905, 907.

²⁵ Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М., 1983. С. 147.

поведения. Например, архаичная русская поговорка: “Холоп — на боярина не послух” однозначно исключала участие крепостного в качестве свидетеля по делу его господина. Арабская пословица: “Кто сватает девушку, тот платит за нее калым” тоже устанавливает обязательное правило, уклониться от исполнения которого в мусульманской среде не может ни один мужчина, собравшийся жениться.

Таким образом, помимо ценностно-ориентирующей роли юридические пословицы и поговорки порой выполняют еще регулятивную функцию, приводя конкретные поступки человека в соответствие с имеющимися правовыми нормами общества. Регулятивная функция обычно действует в унисон с ценностно-ориентирующей, дополняет и уточняет общеустановочное воздействие последней на сознание людей. Сущность и совместное значение этих двух социальных функций юридических пословиц и поговорок образно, но очень точно характеризует азербайджанское мудрословие: “Пословицы не входят в Коран, но шагают рядом с ним”.

В силу неоднозначности содержания юридических пословиц и поговорок на практике возможны случаи функциональных сшибок, когда народные изречения, созданные в разное время и в разных условиях, расходятся в своих требованиях, неодинаково трактуют существующие реалии, предлагают спорные, а то и вовсе противоположные ценностные ориентиры и нормативные установки. Например, у немцев со времени обычного права известна поговорка: “Покупка не нарушает наем”, согласно которой покупатель имущества должен был уважать права арендатора и соблюдать условия заключенного ранее договора аренды или найма. Но внедрение в правовую систему Германии норм римского частного права родило другую максиму: “Покупка ломает аренду”. По новым правилам при смене собственника жилья или земли прежние правоотношения найма или аренды стали терять обязательную силу. На каком-то этапе германской истории параллельное существование таких поговорок, конечно, рождало правовые коллизии, мешало рядовым немцам строить соответствующие правоотношения²⁶.

²⁶ По утверждению российского дореволюционного историка права Д.Д. Гримма, в Германии процесс рецепции римского права шел труднее и медленнее, чем в других европейских странах. Только со второй половины XV в., после падения национального суда шеффенов — хранителей национальных обычаев, римское право окончательно утвердилось в этой стране, став общим правом (см.: *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права. Пособие для слушателей. Изд. 3-е, исп. и доп. СПб., 1910. С. 13).

В отличие от регулятивной, воспитательная функция не столько предлагает людям конкретные нормы поведения, сколько, как уже говорилось, формирует у них конкретные психологические качества, создает личное отношение к действующей регулятивной системе общества, что рано или поздно сказывается на поступках человека в социальной жизни. Все это весьма усложняет воспитательную функцию народных изречений, но повышает ее перспективность, способность реализоваться только во взаимодействии с другими воспитательными факторами социальной жизни.

Рассматривая социальные функции юридических пословиц и поговорок, надо подчеркнуть, что даже в фольклоре одного народа они не образуют единой, строгой и внутренне целостной системы, а представляют конгломерат результатов многовекового стихийного творчества людей в правовой сфере общества. Именно в этом — главная причина некоторой противоречивости содержания таких паремий, влияющая на реализацию их социальных функций. И.М. Снегирев отмечал: “С одной стороны, в пословицах народных нередко представляются постыдные суеверия и заблуждения, терпимые только по привычке и давности..., с другой, более утешительной и приятной стороны, являются нам в простых, но сильных и многозначных выражениях превосходные правила гражданских и семейных обязанностей и добродетели мысли, современные всем временам...”²⁷.

Вместе с тем как отражение былых или сегодняшних правовых реалий конкретной страны любые юридические пословицы и поговорки не оценимы с точки зрения их интегрированности в психологию, культуру и повседневный быт людей. Каких вершин цивилизации ни достигло бы общество, многовековые обычаи и традиции, в том числе закрепленные фольклорными источниками, незаметно, но неуклонно задают направление историческому развитию народов, содержат в себе духовную парадигму их повседневной жизни. Именно в этом заключается главное предназначение юридических народных изречений, всестороннее и глубокое изучение которых может создать новое междисциплинарное направление отечественной науки — юридическую паремиологию.

²⁷ См.: *Снегирев И.М.* Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. Кн. 2. С. 154.